

**Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе
2017-2018 учебный год**

11 класс

Продолжительность олимпиады: 300 минут. Максимально возможное количество баллов: 100

литература	11 кл.	аналитическое задание (с опорой на предложенные направления для анализа)	Время выполнения 3,5 астрономических часа	Максимальный балл – 70
		одно письменное задание творческого характера	не более 1,5 астрономических часов	Максимальный балл – 30

Задание (по выбору участника олимпиады: участник может выбрать для анализа либо поэтический, либо прозаический текст)

Выполните целостный анализ рассказа **В. П. Астафьева «Все о тебе»**. Вы можете опираться на данные после него вопросы, а может выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Виктор Астафьев

Все о тебе

Она ворвалась в наше искусство, как в старые годы врвался в выжидательно притихшее селение нарядный, звонкий, стремительный свадебный поезд.

Высокая, статная, белозубая, как опять же в русском селе сказали бы — «моторная», она не приучала публику к себе, и публика к ней не привыкала. Ошеломленная ее могучим голосом, неотразимым напором, неистовством брызжущего таланта, обаяния и той тайной, которая дается природой лишь избранным. Она была подхвачена и поднята ввысь благодарными руками, да и сама возвысила нас, наше искусство, подняла над обыденностью. Это было взаимной любовью, это было сотворчеством певца и слушателя, подыстосковавшегося по яркому певческому дарованию, слушателя, избалованного избытком талантов в минувшие годы безмерно любящей и нещадно их губящей матушки нашей — России.

Как и полагается яркому таланту, не вмещающемуся даже в крепком теле и всеобъемной душе, разрывающему слабую человеческую плоть, добела раскаленной в кузнечном горне заготовкой искрилась она, сверкала на сцене, сотрясая ее, одряхлевшую было, разметывала серенькие, тихоголосые фигуры во фраках, обвешанных медалями за «умный», своевременный и целесообразный концертный материал. От избытка сил, молодости и русской удали она даже и «пофулюганничала» маленько. Сощурилась и без того острозрящие глаза, сокрушительно, «бесовски» сверкая ими, пела она знаменитую «Хабанеру» с беспощадным всепоглощением и страстью, по-кошачьи тихо подкрадываясь к притихшей публике, выстанывая стиснутым ртом: «Л-лю-убовь, лю-у-у-убовь», и ноздри при этом у нее расширялись, как у соболька, почуявшего добычу, трепетали, пульсировали, лоб бледнел. Мой товарищ, еще молодой, жаркий, с примесью азиатских кровей, ерзая подле телевизора, стонал: «Ну, я не могу! Я сейчас пойду и женщину какую-нибудь полюблю или... чего-нибудь разобью!»

Бунтарка! Мятежница! Обольстительница! Женщина! Певица!..

Как много от любви и благодарности является слов человеку, одарившему тебя счастьем соприкосновения с прекрасным. Но я не сказал главного слова, по праву ей принадлежащего, да и

пришло оно, это главное слово, позднее, когда я понял, что ничего человеку даром не дается, даже избранному, «отмеченному» «там» и к нам на утешение и радость высланному.

Попал я на спектакль «Пиковая дама» в Большой театр и — наконец-то! — увидел ее воочию, не через окошко телевизора. Спектакль был будничным. В зале не было почетных гостей и «представителей», зато было много неряшливо, по-уличному одетых иностранцев. И, может поэтому состав спектакля оказался более чем скромный, который, может, и украсил бы областной театр, но на сцене Большого выглядел удручающе убогим. Было обидно за театр, все еще благоговейно нами называемый с большой буквы, театр, в котором на этой же сцене накануне совершался великий балет «Спартак» и неземные «звезды» до того ослепляюще сверкали, что дух захватывало от чуда, творимого на сцене. И вот здесь же — плохо двигающиеся, перекрашенные, перезатянутые, слабоголосые люди пытались под музыку Чайковского изобразить страсть, страдание, да ничего не изображалось. На публику со сцены веяло холодом. Иностранцы открыто и демонстративно зевали и резинку жевали. Наши зевать не смели из уважения к стенам этого театра и к билету, который они купили с рук по стоимости месячной студенческой стипендии.

И тут она, «графиня», как рявкнула на бедную свою воспитанницу Полину, та аж содрогнулась, и публика в зале оробела, иностранцы не только зевать, но и жевать перестали, подумав, видать, что начинается не иначе как «происки большевизма». У одного иностранца с испугу даже бакенбард «штраусовский» отклеился.

И повезла певица спектакль «на себе», как телегу с битым кирпичом, и задвигались вокруг исполнители, и дирижерская палочка над оркестровой ямой живой щетинкой замелькала, запереливался свет, засверкали искры снега в холодном Петербурге, даже серпик искусственной луны живей засеребрился, а уж когда она соорудила свою «корону» — романс графини, да еще и на «французском»!.. публика впала в неистовство. «Заглотнула разом и всех!..» — с восторгом ахнул я, отбивая ладоши.

Ее много раз вызывали, осыпали цветами, цветочек-другой перепал и сотоварищам ее по труду. И не первый раз подивился я благородству настоящего таланта. Может, на собрании «прима» будет разоряться, топтать ногами, но на сцене не придавит собой никого и никогда.

Давно еще приезжал в музыкальный город тех лет Пермь Александр Огнивцев и пел Мефистофеля в «Фаусте». Напарнички ему в спектакле угодили из тех, коим годик-другой оставалось допеть до пенсии. В латы закованные, они могли топорщиться, греметь, «отправляясь в поход», да голосок-то — как в одном месте волосок, — его не прибавишь, не убавишь, думалось мне. Ан «ради общего дела» Огнивцев малость «припрятывал» голосу и двигался не так сокрушающе, как мог, — я видел и слышал его в «Хованщине» на сцене Большого и возможности певца знал.

Буря оваций была столичному певцу не только за прекрасно исполненную партию, но и за его «партнерство», за то, что не унизил он и без того униженную российскую провинцию. Девчонки из местных меломанок, хлопавшие Огнивцеву и «браво!» кричавшие, когда он вышел на седьмой или

восьмой поклон уже без парика и склонил свою русую головушку, восторженно вскрикнули: «Дьявол-то еще ничего!» — «Да что там ничего? Молодец!»

Усталую «графиню» с поникшими плечами, изнеможенную, с трудом, казалось мне, раскланивающуюся, — шутка ли, вывезла ведь, вывезла в гору скрипучую телегу с грузным возом, постояла за честь Великого театра! — наконец отпустили домой, отдыхать.

Каково же было мое изумление, когда в гостинице явившиеся с концерта из Кремлевского Дворца съездов (было это во время писательского съезда) братья-писатели с восторгом рассказывали, как во втором отделении пела она — царица, демон, сокрушительница, дьявол — «Кармен» с одною серьгой в ухе!.. Ка-ак выдала: «День ли царит... Все, все! Все о тебе!..» Ну я от восторгу чувств прямо обнять кого-нибудь готов был! — ликовал писатель-провинциал с Кубани.

«Это она, ребята, не успела после спектакля в Большом театре впопыхах надеть вторую серьгу!» — махнул я рукой.

Так, быть может, я и думал бы, что могучему этому человеку все нипочем, сила и стихия таланта несли и несут ее по волнам славы. И пусть несут. Только чтоб не опрокинули вниз головой в тухлые воды современного искусства.

Но вот она попала на гастроли в Японию. А японцы — народ не только уважительно-ласковый, но и дошлый. Поет «посланница советского искусства», овации в зале бушуют, а телевизионная камера показывает не только ее белозубый рот, концертное платье и драгоценности в ушах и на шее, как это делают наши «скромные» операторы. Они лицо, непривычно утомленное, показывают и как-то умудряются большое внутреннее напряжение певицы изобразить.

Она выдала еще одну свою «корону» — арию из оперы Масканыи «Сельская честь». Что в зале поднялось — ни в сказке сказать, ни пером описать! Она раскланивается, раскланивается и все норовит за кулисы усмыгнуть. «Устала», — догадался я. Японский же оператор все не отпускает ее, все гонится за нею с камерой, и за сцену ее сопровождал, чего наши, Боже упаси, никогда не сделают. Впереди певицы пятится пожилой японец интеллигентный — организатор гастролей, тоже аплодирующий и кланяющийся. За сценой какие-то люди поднялись с кресел, зааплодировали певице, она и им слегка поклонилась, одарила их улыбкой, потом увидела чашечку, из которой пила, видать, перед началом концерта, взяла эту чашечку, предусмотрительно подставив под нее ладошку — японцы все замечают, на то у них и глаза вразбежку — надо вести себя «интеллигентно», — отпила глоток остывшего чая и со стоном исторгла: «О-о-о-о!»

И понял я: не так все просто. Великому таланту — великий труд! И когда, будучи в гостях у замечательного русского композитора Георгия Васильевича Свиридова, сказал об этом, он заметил: «А как же! Думаю, что она „Честь“ эту самую пела еще студенткой консерватории. В конкурсных программах пела. Да где она и чего не пела? А все репетирует, репетирует!.. Вот мы готовим с ней концертную программу, так кто кого больше замучил — сказать не берусь...».

Я гляжу па экран телевизора: что-то гремит, вопит, кривляется, где девки, где парни — не разберешь, голоса и волоса неразличимы, сплошь визгливо-бабьи. Знаменитый на всю Европу

ансамбль осчастливил нас, «отсталых и сирых». Хитрая, нагловатая девка, наряженная в цирковые штаны, раскосмаченная и накрашенная под шамана, в заключение самого сокрушительного «нумера» перевернувшись через голову, невинно плясь шалыми глазами на ликующую публику, сказала: «Сенк-ю!», сказала той самой публике, над которой в недоступных высях богами реют и звучат Шаляпин, Собинов, Лемешев, Пирогов, Михайлов, Обухова, десятки других российских талантов. Слушая их, охваченный восторгом мир любовью объединялся, когда бесстрашно шел на баррикады. И если мы по сию пору не совсем еще одичали, «виновата» в том и наша вокальная русская школа, и новая волна прекрасных певцов-тружеников. Среди них первый запевала — она!

Елена Васильевна Образцова.

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения **Б. Рыжего «Благодарю за все»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: принципы отбора деталей в изображении внешнего мира; особенности ритмической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Борис Рыжий

Благодарю за все

Благодарю за всё. За тишину.
За свет звезды, что спорит с темнотою.
Благодарю за сына, за жену.
За музыку блатную за стеною.
За то благодарю, что скверный гость,
я всё-таки довольно сносно встречен -
и для плаща в прихожей вбили гвоздь,
и целый мир взвалили мне на плечи.
Благодарю за детские стихи.
Не за вниманье вовсе, за терпенье.
За осень. За ненастье. За грехи.
За неземное это сожаленье.
За бога и за ангелов его.
За то, что сердце верит, разум знает.
Благодарю за то, что ничего
подобного на свете не бывает.
За всё, за всё. За то, что не могу,
чужое горе помня, жить красиво.
Я перед жизнью в тягостном долгу,
и только смерть щедра и молчалива.
За всё, за всё. За мутную зарю.
За хлеб. За соль. Тепло родного крова.
За то, что я вас всех благодарю,
за то, что вы не слышите ни слова.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность истолкования фонового материала из области культуры и литературы.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).
Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. *Примечание 2:* при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Творческое задание

Второй тур заключительного этапа – творческий. Он должен выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, популярного блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса. Задания этого тура разнообразны и варьируются год от года.

Задание

Герои чеховского рассказа «Учитель словесности» в один из вечеров оживленно обсуждают творчество А. С. Пушкина. Прочитайте этот фрагмент рассказа:

Теперь за чаем спор начался с того, что Никитин заговорил о гимназических экзаменах.

– Позвольте, Сергей Васильич, – перебила его Варя. – Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задали ученикам VIII класса сочинение на тему: «Пушкин как психолог». Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский – другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.

– Щедрин сам по себе, а Пушкин сам по себе, – угрюмо ответил Никитин.

– Я знаю, у вас в гимназии не признают Щедрина, но не в этом дело. Вы скажите мне, какой же Пушкин психолог?

– А то разве не психолог? Извольте, вам примеры.

И Никитин продекламировал несколько мест из «Онегина», потом из «Бориса Годунова».

– Никакой не вижу тут психологии, – вздохнула Варя. – Психологом называется тот, кто описывает изгибы человеческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

– Я знаю, какой вам нужно психологии! – обиделся Никитин. – Вам нужно, чтобы кто-нибудь пилил мне тупой пилою палец и чтобы я орал во всё горло, – это, по-вашему, психология.

– Плоско! Однако вы все-таки не доказали мне: почему же Пушкин психолог?

Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать

из угла в угол. И теперь то же самое: он вскочил, схватил себя за голову и со стоном прошелся вокруг стола, потом сел поодаль.

За него вступились офицеры. Штабс-капитан Полянский стал уверять Варю, что Пушкин в самом деле психолог, и в доказательство привел два стиха из Лермонтова; поручик Гернет сказал, что если бы Пушкин не был психологом, то ему не поставили бы в Москве памятника.

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из ее участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Заинтересовала ли вас тема _____ сочинения, которую Никитин дал ученикам? (кратко объясните свою позицию)

Сформулируйте ту тему, на которую вам было бы по-настоящему интересно писать о Пушкине. Запишите свое «выступление» в дискуссии на этом чеховском вечере.

Комментарии и критерии оценивания творческого задания

Задание рассчитано на самостоятельные размышления ученика по дискуссионному вопросу, не имеющему однозначного ответа. Оценивается прежде всего глубина и литературоведческая обоснованность суждений, степень их аргументированности, полнота и развернутость ответа. Ученик должен занять собственную непротиворечивую позицию в споре персонажей Чехова и убедительно ее защищать, уметь апеллировать к тексту произведений Пушкина, точно интерпретировать используемые в споре фрагменты.

Рекомендуемый максимальный балл – 30.

При оценке работы принимается во внимание:

- 1) Убедительность позиции и выдвинутых в ее защиту аргументов;
- 2) Литературная эрудиция: опора на произведения А. С. Пушкина (или иных авторов, если они вводятся по сходству или контрасту) при обосновании выдвигаемых тезисов;
- 3) Нешаблонность, литературоведческая значимость придуманной темы сочинения о Пушкине и его творчестве;
- 4) Речевое оформление, выразительность и ясность формулировок.